

Анна Фалентова

Игра Клары Лаптевой

18+

Анна Фалентова

Игра Клары Лаптевой

<https://litres.ru/74343522>

SelfPub; 2026

Аннотация

Взрослая женщина не может наладить отношения с единственным сыном — она пишет ему письма, но он их игнорирует. Она мизантропична: большинство людей для неё просто отвратительны. И она решает избавиться от недопонимания с ними через театральную постановку, где будет играть только она одна...

«Mimi reginae» (с лат. «Шуты для королевы») — второе шуточное название.

Содержание

Рассказ	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анна Фалентова

Игра Клары Лаптевой

Рассказ

I

Она с ужасом думала о наступающем лете и квартирном вопросе, так как пансион ее тяготил. Имя ее — Клара Алексеевна Лаптева; она сидела у себя в комнате за столом, курила и писала в дневнике: «Наш телефон — совершенный паразит, не подающий никаких признаков жизни. Он бы мог мне позвонить и поздравить меня с днем рождения, но он этого не сделал». На стенах зеленые с потертостями обои с выцветшими кувшинками. Над изголовьем кровати висит фотография ее сына Володи, студента художественного училища, внешне напоминающего крысу из-за оттопыренных ушей, но для нее он был «мышонком». Володя писал портреты на заказ и регулярно отправлял матери сто рублей. Два года тому назад она работала машинисткой в конторе, но уволилась. Ей не нравилось, как зимой в помещении у нее дубели пальцы, от этого она не могла печатать, или как летом с нее бежал пот и раскалывалась голова. Вот купила она на отложенные деньги новую шляпу — черную в горошек, с павлиньим перышком; носит — не сносит с рыжего гнезда

волос. В соседней комнате жила Марта. Она была коренастой с полной, как мысленно отмечала Клара, «обыкновенной бабьей мордой». Когда Марта только приехала из своего села и заселилась в пансион, дабы отдохнуть от хозяйства, она была красно-смуглой, окрашенной солнцем. И в первый же день решила угостить постояльцев яблоками, соблазнительно розовыми и сорванными с домашнего дерева. Клара не могла не обратить внимания на ее пальцы: мясистые и надутые, как гороховые стручки. Но яблоко она взяла. Клара услышала, как дежурный стучит в двери и кадычит, чтобы все поднимались. Она мигом открыла окно и выкинула окурок. Его голова выглянула из-за двери:

— Ах, вы уже встали. Да, за вами не угонишься, — монотонно сказал тот, почти не открывая щербатого рта, и затворил дверь. Клара вложила портсигар между страниц дневника, а сам дневник спрятала под подушку.

— Дамочка, ну поднимаетесь же! — шумел дежурный. — Вам пока одеться, пока умыться, так завтрак проспать можно!

Доносилось оттуда и детское спросонья лепетанье, у той молодухи была дочка. Весь женский состав последовал в умывальную комнату. Умывальников стояло всего три, по сему Жанночкина двенадцатилетняя Лиза, дожидаясь, когда кто-нибудь ополоснется, заплетала волосы. У Клары было опухшее лицо и красноватые веки. В детстве она часто видела пьяниц на скамье возле своего дома с заплывшими глаза-

ми, будто покусанных пчелами, и она до слез боялась стать такой же. «Но ведь у меня все иначе, я имею право так выглядеть, мне больнее и хуже, чем им» — думала она. Вода из крана лилась ледяная, и она еле-еле освежилась.

— Какие у меня синяки под глазами. *C'est vraiment fliprant...* — томно про себя сказала Жанночка.

— Нужно больше воды пить, от воды, знаете, женщина краше, — пробормотала Клара не отрываясь от зеркала. Жанночка насупилась и стала пудрить лицо. Марта покачала головой, глядя на Клару, но промолчала. Казалось, что Жанночке было неудобно в плечах, она сутулилась, и ткань на груди морщилась. Она выругалась и зашла в кабинку. Заметив, что умывальник освободился, Лиза тут же подбежала.

— Ой, какая холодная! — сказала она, как только набрала воду в ладони.

— Ничего не поделаешь, — выдохнув сказала Марта. — Ты главное быстрее...

— Бодрее будешь, черныш! — крикнула Жанночка из кабинки. Она все-таки собралась и вышла. Жанночка была в черном платье с оборочками на белом воротнике, выглядела накрашенной, разукрашенной до лоска. Жанночка напоминала Кларе оброненный леденец, который облепили муравьи. «Будь я женщиной, не прикоснулась бы к ней, неизвестно, что можно подцепить». Притопала хозяйка пансиона — преклонная в годах Пронькина:

— Лаптева и Жанночка, что вы глядитесь! Быстро завтра-

кать!

«Тупомордая кляча», — подумала Клара, и мгновенно уронила губный карандаш в мойку. На общем завтраке с женским коллективом разместился и старик Облупин, кустарь, внешне напоминающий пыльную картофелину, торгующий на ярмарке матрешками. Пансион служил ему ночлегом, а днем — он уходил в артельную мастерскую. Жанночка с Лизой подошли первыми к линии раздачи.

— Она, как никак, растет — сказала Жанночка, холодно обняв дочь. Всем накладывали одинаковое: овсяную кашу и ломтик хлеба. Жанночка просила, чтобы Лизе дали что-нибудь вприкуску помимо хлеба, но ничего другого не дали. Лиза, наполовину садясь, подтянула длинный носок на голенастой ноге. От Облупина пахло спиртовым лаком, табаком, затхлой одеждой и Клара показательно съеживалась, но ей некуда было деться, и не решалась подвинуться к Марте. Что-то блеснуло в руках Лизы и упало, она отставила стул и, ерзая на нем, нырнула в полумрак под скатерть.

— Лиза! Дитя мое! Молю тебя! — говорила ее мать, почти причитая. — Вылези, я прошу тебя, я не уверена, что она так далеко упала!

Марта и Облупин ойкали, посмеивались от шаркания ее рук под столом, от какой-то вертлявости. Стол ходил ходуном, посуда звякала; Клара ясно ощутила пушистую голову девочки. Пронькина бережно держала чашку, бурчала, обращаясь к Жанночке:

— Ну и ну! Какая она у вас непоседа!

Облупин невзначай подглядел под стол, лукаво качая головой. Лиза поднялась и положила ложку на салфетку. Жанночка начала что-то шептать ей на ухо, но Лиза лишь посмеивалась, прикрывая рот. Пронькина медитативно размешивала чай, а потом навсегда позабыв о нем принялась подзывать свою кошку. И не приступала к чаю, пока та, дымчатая, желтоглазая не прибежит.

«Когда-то ребенком до четырнадцати лет мне было намного проще существовать, — начала писать в дневнике Клара, сидя в людном солнечном парке. — Становясь девушкой меня постепенно начали приобщать к обществу взрослых людей: я сидела за общим столом на праздниках и глядела на гостей. Они гоготали до пороссячьего визга от водки, у мужиков, когда те хотели что-то сказать текло изо рта. У женщин, если их таковыми можно назвать, груди ложились прямо на стол как два тяжелых мешка. Один дряхлый старик, сосед наш, говорил мне, что кабы был помоложе да пошустрее пригрел бы меня. А я тогда, между прочим, была девятиклассницей. Но я рада, что он давно помер. Мне не с кем было разговаривать в институте и на работе. Никто и не мог со мною разговаривать, ибо все были как подкидные куклы, какую не слушаешь — не ошарашишься и не опечалишься. Но я никогда не чувствовала себя пришельцем или заколотым скотом, всегда осознавала, что могу прожить безо

всяких друзей и подруг. Меня радовал сын. Мой Володя жил в мире прелестных игрушек: плюшевых собак с розовыми языками и скоромох с гармошкой и балалайкой, посему он так хорошо пишет, из-за чувства цвета и любви к оттенкам». Она поднялась и пошла к пруду. Зыбились деревья и небо в отражении воды, от кувшинок свежо пахло и где-то звенели детские возгласы. Клара заметила плывущего лебедя, который нес на спине своего птенца. «Как же завидую», — подумала она про себя. «Думаю, что я из тех людей, которые обладают особым образным мышлением, — быстро писала Клара, сидя на выступе у края пруда. — Но это не дар и не привилегия, а бремя, безнадежное, тупое бремя. Видите ли, кем бы вы не были, меня этим снабдила жизнь, отношение людей ко мне. Я могу вообразить конец всякого человека, предугадать, что его ожидает в будущем. Будущее — это пик неопишуемого ужаса, редко когда оно бывает ожидаемым счастьем. К примеру, тех здравенных баб я давно не видела, вероятно, некоторые уже на этом свете не живут. У многих из них были дети, такие же сальные с коротенькими ножками. Вот, словно смотрю в хрустальный шар: от явств заплывшие, ибо живут, на самом деле, скучно и только набивают брюхо, надрывно хохочут от несмешных шуток, прибауток, у них поди тоже есть дети. Я, конечно, люблю детей за их чистоту, бодрость и умение находить как можно больше новых, интересных впечатлений, игр. Но, к большому несчастью, взрослея, они могут или не могут, превратиться в дур-

нопахнущих мужиков и буро-красных с обветренными губами женщин». Клара осмотрела свой черный жакет, тихо сказав: «Фу, какая духота»; поправила шляпу и пошла к пансиону.

У Пронькиной была маленькая комнатуха с бледно-розовыми, почти белесыми обоями. На комод, стоявшем рядом с кроватью лежали разглаженные переливчатые обертки от конфет и чашка. Она лежала с газетой, а рядом дремала кошка. Клара вошла к ней, только чтобы обговорить квартирный вопрос.

— Мой знакомый, какой из... — начала Пронькина. — Не имеет никакого значения. Мой знакомый ждал квартиру личную лет пять. Вот как! А он был, как и вы, Клара Алексеевна, одиночкой, вам все в последнюю очередь дают.

— А если я найду способ? Комнату временную, у меня сын есть, он может помочь мне.

— Ну, мне это сейчас не надо. Оставайтесь здесь, Клара Алексеевна, и не морочьте мне голову.

Перед заходом в комнату дежурный для блезиру наклонился всем станом, сообщил, что принесли телеграмму. Пронькина, кривясь, встала с постели, а кошка в недоумении муркнула. Она оставила на незастеленной кровати газету, на наружной стороне которой говорилось о недавнем спектакле в городском театре. А как Кларе хотелось бы попасть туда, прямо на сцену. Клара отложила ее и прошествовала на кух-

ню, чтобы невзначай подслушать о телеграмме. Пронькина почему-то отчитывала дежурного, и между делом читала бумагу, так же внимательно, как студент читает билет на экзамене. Там, через открытую настежь дверь, как сцена выглядел двор. Макеты зеленых, здоровенных деревьев за забором, протягивающих свои крючковатые, растопыренные пальцы. Лиза прыгала на одной ноге по расчерченным мелом квадратам. На ее черных волосах солнце играло синими бликами, она жмурилась от него. Лиза была смугловатой, но от света ее руки и ноги казались бронзовыми, и на миг оставившаяся, она выглядела как статуэтка.

II

Кларин сын был безвольно влюбленным. Он с неослабностью думал о своей невесте, когда сидел за мольбертом или бродил по комнате, но вслух никогда о ней много не говорил. Он не жадничал на нее денег. Его Маша щеголяла в платье в розовую клетку и покупала конфеты. Она могла говорить с набитым ртом, гоготать с газетных анекдотов. Клара понять не могла на кой ему такая Маша. Один раз Володя уговорил мать поехать с вместе на дачу Машиных родителей, под предлогом их кровного лаптевского родства; Клара поколебалась, но согласилась. Тогда стояла бешеная жара, и в автобусе, проезжающем на дорожном кольце в село, пассажиры подавались вперед, словно их всех тошнило.

— Зачем я обула такие туфли, как сниму — так ноги в крови.

— Мама, там точно можно ходить босиком, — будто при-
нужденно сказал Володя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.